

Нет автора

Русская мысль

Год 29. Май

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская мысль: Год 29. Май / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2024. – 376 с.

ISBN 978-5-458-02743-4

ISBN 978-5-458-02743-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ГРАЖДАНИНЪ УВЛЕЙКИНЪ. Повѣсть.—Ив. Шмелева.	1
II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Н. Д. Бальмонта.	48
III. НА ЭКЗАМЕНЪ. Картинка.—Александра Толстого	49
IV. СТИХОТВОРЕНІЯ—Е. Волчанецкой.	62
V. КОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ. Романъ изъ театральнаго міра Днатоля Франса.—Перев. Ал. Чеботаревской. <i>Продолженіе</i>	63
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Р. Стоянова.	106
VII. ИСТОРИЯ О ТОМЪ, КАКЪ ЯКОПО БЕНЕДЕТТИ ИЗЪ ТОДИ ЛЮБИЛЪ ПРЕБРАСНУЮ МОННУ ВАННУ, И КАКЪ ЛЮБОВЬ ЭТА БОЖЕСТВЕННЫМЪ ОГНЕМЪ СТРАДАНІЯ ОЧИСТИЛА ЕГО ДУШУ.—Т. Л. Щепкиной-Нуперникъ	107
VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ ФЕРНАНА ГРЭГА.—Сергѣя Пинуса.	124
IX. ВСТРѢЧА. Разсказъ.—Збышко	128
X. LA MOUSNE. Романъ на смертномъ одрѣ (Изъ жизни Гейне.) Акселя Лундегорда.—Перев. со шведск. М. П. Благовѣщенской	139
XI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—С. Пинуса	180
XII. КОНФЛИКТЪ МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНЫМЪ СОБРАНІЕМЪ И БОРОНОЮ ВЪ ПРУССІИ.—Г. Н. Штильмана	1
XIII. ВИННАЯ МОНОПОЛІЯ И ПОТРЕБЛЕНІЕ ВОДКИ.—В. Норова	30
XIV. ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.—Н. Дверницкаго	49
XV. ЭДУАРДЪ ФОНЪ-ГАРТМАННЪ.—И. И. Лапшина. <i>Окончаніе</i>	69

	<i>Стр.</i>
XVI. ПРОБЛЕМА АСКЕТИЗМА. I. Мировое значение аскетического христианства.—Вал. Свенцицаго. II. О христианскомъ аскетизмѣ.—В. В. Розанова	89
XVII. КРИЗИСЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ. (Мысли студента).—Вад. Левченка.	111
XVIII. НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.—А. С. Магоева	122
XIX. МОЛОДАЯ ЭСТОНИЯ. Загѣтка.—Г. Вильяиса	138
XX. ПРОМЫШЛЕННЫЯ ПЕРСПЕКТИВЫ.—Съверянина.	142
XXI. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Ю. И. Айхенвальда	157
XXII. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда.	170
XXIII. ОТРЫВКИ О ГОСУДАРСТВѢ И НАЦИИ.—Петра Струве	187
XXIV. ТРЕТЬЯ ДУМА.—А. Бергѣмскаго	194
XXV. ДВА СЛОВА М. Н. ПОКРОВСКОМУ.—А. А. Низеветтера	204
XXVI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Философія.—Нравовѣдѣніе, соціологія.—Политическая экономія.—Публицистика.—Естествознаніе и медицина.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 апрѣля по 1 мая 1908 г.	95
XXVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакция «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятая редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

ГРАЖДАНИНЪ УКЛЕЙКИНЪ.

Повѣсть.

I.

— Уклейкинъ идетъ! Уклейкинъ идетъ!...

Мальчишки бросали бабки, собирали змѣи и бѣжали на улицу. Полицейскій, выдавшій въ ротъ сѣмечки у окна прачечной, выдвигался на мостовую. Въ самоварномъ заведеніи Косорылова стихалъ лязгъ, и чумазые мѣдники высыпали къ воротамъ. Портнихи вытягивались изъ оконъ, роняя горшки герани.

— Идетъ!... Твердо идетъ нонеча...

Головы поворачиваются къ «посту».

— Ладушкинъ дежурить...

— А што твой Ладушкинъ!... Махнетъ проулкомъ... Бакъ на-медни-то въ одной опоркѣ стегалъ!...

— Ужли не прорвется, а?

— Сурьезный нонче штой-то...

Всѣмъ хочется, чтобы Уклейкинъ прорвался на Золотую улицу, въ публику. За нимъ ринутся, и будетъ скандалъ.

Уклейкинъ начнетъ откалывать, прохватывать и печатать, начиная съ головы и кончая подчаскомъ. Пока захватятъ и погрузятъ на извозчика, онъ выплететь много кое-чего, о чемъ не говорятъ громко, а разносятъ изъ дома въ домъ такъ, что сейчасъ же узнаютъ на задворкахъ; что казалось забытымъ и вдругъ всплываетъ; что было даже одобрено про себя, но чего въ открытую еще стыдятся; что шмыгнуло мимо портфелей слѣдователя и прокурора, ловко избѣгло удара печатнаго станка и вдругъ, непонятнымъ процессомъ встряхнулось въ помраченныхъ мозгахъ и гулко выбатилось на улицу изъ сильной глотки полушьянаго сапожника.

— Чего глядите-то?... Уклейкинъ что ли-ча идетъ?—спрашиваютъ сверху портнихи.

— Мчить! Спускайтесь, Танечка!

— А ну, васъ... Намъ и здѣсь хорошо.

— Имъ не годится середь публики въ открытомъ видѣ.

— Варька-то, Варька-то расплзлась! Ровно какъ мягкая...

— Со щиколоду. Ее кажинный вечеръ мухинскій конторщикъ щиколодомъ удовлетворяетъ.

Уклеинъ идетъ рѣшительно, высоко подымая тощія, узловатые ноги, точно выдергиваетъ ихъ изъ мостовой. Какъ гремучая змѣя хвостомъ, шмурыгаетъ онъ опорками, подтягивая находу остатки порванныхъ штановъ. Испитое, зеленоватое лицо сосредоточенно-мрачно, а глаза водянисты и тусклы. Онъ уже потерялъ картузь и слѣдитъ за опорками.

Мальчишки веселымъ роемъ кружатъ и жалятъ.

— Жулье!... Шкалики!...

Онъ выдираетъ слова изъ нутра, и они падаютъ толчками, какъ маленькія частыя пули. Худая рука поднята и грозитъ пальцемъ, и глаза видятъ какую-то никому невѣдомую точку.

— Уклеинку почеть-уваженіе! Отошелъ!... Блади имъ!...

— Предались!... Шпанà!... Дар-рмоѣдъ!

— Сышь! Жарь! Качай ихъ! Во-отъ!...

Толпа подвигается вмѣстѣ съ Уклеинымъ къ «посту».

— Достигну!... Сыщу!... Што?... Душ-ши!... Брюшники!... Манжетники, черти!... Што-о? Пропущай!

Полицейскій стоитъ, разставивъ руки, и слѣдитъ за Уклеинымъ, точно играетъ въ коршуны.

— Ты лутче не швандадь. Гуляй себѣ и не швандадь!

— Пропущай!... Слово хочу!

— Нѣтъ тебѣ ходу дальше!

— В-вы... такъ што... полицейскій? Рази я допушаю, што...

Уклеинъ таращитъ остеклѣвшіе глаза, пытается говорить отчетливо и казаться вѣжливымъ и трезвымъ, и голосъ его вибрируетъ.

— Та-акъ... А п-позвольте васъ спросить... Вы... госпо-динъ, полицейскій? Пр-равильно я говорю?... Хо-ро-ш-шо... Вы тутъ постановлены... для чево? Для пор-рядковъ? Хо-рро-шо-о. Для порядковъ вы тутъ установлены? Васъ тутъ установили? Та-акъ... А вы, какое такое правило, што вы... не хотите никого пропускать?... А? Ежели я житель... и все такое... Могу я гулять по воздуху... и при публикѣ, а? Могу я выражать, штобы...

— Вотъ тебѣ публика, и гуляй!

— А я въ разныя стороны хочу. Вить я житель... и всѣ жи-

тели... А мнѣ публику надо... пу-бли-ку!... Шпапу! Шкалки!... Слово хочу сказать. Пропущай!

И онъ выпячиваетъ впалую грудь, накрытую затертымъ фартукомъ.

— Разъ ты надмѣренъ безобразить, я чичась тебя!...

— За-чѣмъ, безобразія нѣтъ... Вы не пропускаете жителей... и я... А позвольте васъ спросить: тебѣ кто жалованье платить, а? Нѣ-ѣтъ, ты не заслоняй... Я вотъ неграмотный и ничего не знаю, а вы знаете всѣ законы... и хочу васъ спросить... Вы не жалеете сказать? Та-акъ, хор-ро-шо. А ежели я городской головѣ слово хочу сказать. Ж-жуликъ! Всѣхъ жителей обокралъ! Шкаликъ!

— В-во-отъ чисти-ить!... Н-ну-у...

— Въ Сибирь ево!

— Ты не безобразь! За такія слова тебя...

— Поволокешь?... Н-на-а!... Я го-спо-ди-ну... приставу слово хочу сказать.

— Ты до начальства не прикасайся... Ты не...

— Трешникъ слопалъ! Въ сапогахъ ходить любить... Гдѣ такое правило? Предались!

— Правильно! Онъ вить хучь и пьянъ, а понимаетъ.

— Дакъ ты што-жъ это...

Полицейскій колеблется,—взять или допустить. Но народъ все свой.

— Не тревожь ево, г. полицейскій... пусть ево.

— Улейкинъ, стихъ скажи! Здорово у ево слажено... Вонъ и барышни желаютъ.

Улейкинъ оглядывается на окна. Розовыя личики молоденькихъ портнихъ задорно смѣются.

— У-ухъ ты! Мамзели! Веселыя барышни!... Не намите грудки, оставьте маненько для Мишутки!...

— Ахъ, шутъ эдакой, загнулъ!...

Взвизгиваютъ сочные молодые голоса. Смѣются всѣ, даже полицейскій. Улейкинъ перемѣнилъ тонъ, а это обѣщаетъ зрѣлище захватывающее.

— Эхъ, подобью каблучки-набойки, ходи съ угла до помойки!

Веселымъ гуломъ отзывается всегда сонный переулочъ. Присѣдаютъ, хлопаютъ Улейкина по плечу, задорять.

— Уважь еще, Улейкинъ!... Про комариковъ-то... Вотъ про-дернеть!...

И—эхъ и блошки мои—комаряги,
Не горять наши фонарики!! А отчево?

То-то! Отгово, што городская управа
Тащить налёво и направо...

- Ну, пропущай!... Правду хочу изложить.
- Налютъ тебѣ, братъ, за правду.
- А мы выльемъ!

И—эхъ и каблучки мои подметки!
И охотникъ я до водки!
Цѣль портейнъ я и мадёръ,
И шинпанскую партёръ!

- И набираетъ, шутъ ево возьми...
- Пропущай! Тебѣ говорить!
- Уклейкинъ, про полицію вали!
- Про пристава! Гы-гы-гы... Гладко у ево про пристава... Да не бойсь!

— Боюсь? Я?... Выкуси... Супротивъ хучь ково!
Полицейскій тревожится, — можно ли. Но онъ не слыхалъ еще про пристава.

- Здѣсь можешь все, а туда не допущено.
- Прорвусь!...
- Не прорвешься.
- Достигну! Я ихъ во-какъ изуважу!... Жулье!
- Ну-ка, про «несчастливаго»-то... Влей!...
- Л-ладно... Я ему пропою... Ширококрылому чорту... Давай ево сюды!... Н-ну!...

Ужъ и Ивановъ... нашъ приставъ частный...
Ужастъ чловѣкъ несчастный!
Страсть!...

- Во-во... какъ сейчасъ рѣзанетъ... Ну-ка!
Ни попить ему, ни съѣсть,—
Все бы какъ въ карманъ залѣзть...
- А то въ морду слазить... Онъ ма-астеръ...
И чистить зубы ломовымъ,
Одначе часто... и гордовымъ...

Уклекинъ щуритъ глазъ и дѣлаетъ пояснительный жестъ.

- Ну, ужъ это ты... Ломовымъ это такъ, а...

Полицейскій не совсѣмъ доволенъ.

- А Митреву-то?—возражаетъ мѣдникъ.

- Ну, дакъ это на пожарѣ... Дѣло горячее...

Полицейскій владеть на плечо Уклекину руку и говорить примирительно:

— Ну, вотъ што, Углеинъ... ступай ты теперь къ Матренѣ и не шкандаль.

— Ты меня Матреной? Ма-тре-на!... Тьфу! Шкура! Понимаю я себя, ай нѣтъ? Пропущай! На публику хочу!... Н-ну!

— Не лѣзь, нельзя.

— Пушай! Я житель, житель я, ай нѣтъ? Не можешь меня... Пу-усти!

Углеинъ напираетъ лицо къ лицу, выпячивая грудь и откидывая голову.

— Што-жъ не пропускаешь-то ево, въ самдѣлѣ... Дай ему душу-то отвести... Можетъ онъ гулять-то!

— Расходись, ежели безобразить!... Не скопляйся! Болѣ какъ тронуть не приказано... Н-ну-у!

А изъ-за толпы уже подобралась рослая, румяная баба и перехватываетъ Углеина за пиджакъ.

— Шкилетъ ты океанный, а! Долго мытарить-то ты меня будешь, гнида ты несчастная, а?

Углеинъ сразу вянетъ, заслоняется рукой и бормочетъ:

— Не трожь... Самъ, самъ пойду... Ты не...

— У, несуть проклятая, кабашикъ! Ишь, дармоѣды, го-го-го! Лупоносы!

Она тащитъ Углеина за плечо, тычетъ въ спину, и онъ идетъ толчками, откидываясь назадъ и находу вскакивая въ опорки.

— Дай ей леща! Опоркой-то по башкѣ! Э, зѣванный чортъ!

Все еще не расходятся: сочувствуютъ Углеину и ругаютъ Матрену.

— На меня-бъ ее, печонки бы взыграли!— говоритъ кузнецъ.

— Ужъ и намылить она ево, нашкипидарить... Чичась онъ еще въ чувствѣ, а вотъ когда враспяжку, ужъ и лупить она его!... Полсапожками по грудямъ, куда влѣзеть.

— Баба могучая, да-д-д-а-а... да-а...

— Прямо клей! Всѣ соки изъ ево выбрала... Груда, чортъ!

— Въ ей крови много... путаная. Съ отцомъ дьякономъ допрежь она все... Да вотъ у Власія-то на Стрижахъ, гудластый-то былъ... Стирала она у ево, а онъ...

— Ха-ха-ха! Да, супротивъ нашей бабы... д-да-а!...

— Хи-хи-хи!—заливались портнихи.

— А вы не слушайте, мы тутъ про деликатное толбуемъ.

— А мы и не знаемъ.

— А не знаете, такъ спущайтесь вечеркомъ, узнаете...

Застучали мѣдники. Застрочили машинки. Ударили въ вечернямъ.

II.

Когда случалось въ періодъ запоя попасть на Золотую улицу, Углейкинь первымъ долгомъ направлялся къ дому городского головы.

— Ага! Городская голова! Л-ловко!... Въ три этажа загнулъ... Чи-исто!... Съ миру по ниткѣ, голому рубаха.

Мчался, брызгая грязью, рысакъ съ окаменѣлымъ чудомъ на передкѣ, и Углейкинь раскланивался вслѣдъ.

— Благодарѣтели гуляютъ... От-лич-но!

Передъ колоннадой депутатскаго собранія онъ бралъ картузь въ обѣ руки, прижималъ къ груди и поднималъ глаза къ фронтоу.

— «Домъ бла-а-род-на-го дво-рян-ства!» Та-акъ. Храмъ! Шапочку, господинъ, сымите.

...Отцы вы наши и родители,
Дворянскіе производители!...

Хохотала извозчицья биржа, а бульварчикомъ подрадывался полицейскій.

Участокъ Углейкинь обходилъ стороной, усаживался на уголкѣ на тумбочку и говорилъ выразительно:

— Правительственный си-нодъ!... Не подходи близко... Жулье!

Его тянуло сюда, какъ бабочку огонь, какъ поднятаго зайца по слѣднее логовище.

— Ежли ты, подлець, ешио у меня...

И Углейкинь летѣлъ съ тумбочки, теряя опорки.

— Вдарь! Н-ну... Еще! Тир-рань!... М-можешь!...

И снова падалъ.

Одно время хотѣли даже выслать его изъ города, но вице-губернаторъ, человекъ высокаго ума, сказалъ:

— Оставьте. Скажутъ—деморализація власти. Приказать строго-настрого полиціи не пускать его въ общественныя мѣста въ нетрезвомъ состояніи... Вотъ!

Съ тѣхъ поръ Углейкина перехватывали на перекресткахъ.

— Жулье!... Шкаликъ!... Шпана!...

Скромная тишина лѣтняго вечера, упоеннаго отзвуками военнаго оркестра, нарушена, и тревожно вздрагиваетъ самоувѣренная труба, теряя тактъ. И обыватели уже оторвали взоры отъ молодецкой фигуры красноносаго усача-капельмейстера.

— Углейкина гонять!

— Гдѣ, гдѣ гонять?

— Да вонъ къ палатѣ побѣжалъ. Вонъ стегаетъ-то!

— Споткнулся.

— И вовсе не споткнулся... Это онъ за опоркой.

— Нѣтъ, перехватили.

Но труба уже отыскала потерянный тактъ, снова гремитъ ободряющій маршь «Подъ двуглавымъ орломъ», и граждане снова чихаютъ въ шелестѣ шелковыхъ юбокъ.

— И съ чего это въ немъ?—разсуждали иногда въ переулкѣ.

— Съ чего... Бѣлый онъ,—говорилъ кузнецъ.

— Ты-съ какъ бѣлый?

— Извѣсто какъ... вродѣ горячки.

— Зуда въ ѣмъ есть,—пояснялъ церковный сторожъ «Кружка». — Вотъ которая... зуда... зудить она. Одначе и выходитъ, ежели теперь...

— Какая, къ чорту, зуда! Просто духъ такой, который...

— Ду-ухъ... Ужъ ты скажешь. Винный!...

— Тамъ какой ни есть. Такой онъ што-ль былъ? Не помню разя его?

Да, когда-то Углеикинъ былъ знатокъ пѣсни и балалайки, балагуръ и форсунъ, старательно расчесывалъ вихры мѣднымъ гребешкомъ и начищалъ скрипучіе сапоги до жару. Носилъ строченую кошоворотку, по праздникамъ сморкался въ красный платокъ и заходилъ въ парикмахерскую «подравняться».

Когда-то—давно это было, да и было ли?—тихими весенними вечерами, на лавочкѣ у воротъ, точно лопались вдругъ струны взбѣшенной балалайки, затуманившіеся глаза заглядывали въ глубокое, звѣздами осыпанное небо, и тихій, родившійся въ душѣ вздохъ терялся въ дребезжаньи извозчичьей пролетки.

Это было давно. А можетъ быть, и не было этого.

Не было ни стараго полицеймейстерскаго сада, бѣлой черемухи, сыпавшей въ лунныя ночи лѣтнимъ снѣгомъ, ни скрипучаго оконца въ сѣняхъ, гдѣ, затаившись въ тѣни стѣнъ, робко оплакивала себя молоденькая полицеймейстерская нянька подъ неудержимо-раскатистые перехваты «барыни».

А съ неба тянулась вешняя, любовная грусть.

— Митюшъ, ты?

Славная пора, короткая, какъ июньская ночь. Рядомъ съ садомъ полицеймейстера жилъ Углеикинъ.

Какъ-то, по веснѣ, затрепетала веселая балалайка у воротъ, подъ скрипучимъ оконцемъ выплыло бѣлое лицо въ черномъ квадратѣ, и обнаженная рука подперла простоволосую дѣвичью голову.

— Хорошо перебираете.

— Матреша?... Здравствуйте-съ... Ежели желательнo, могу бойчѣй.

— Ужли?

— Убѣждайтесь!

И балалайка задрожала, ринулась.

И—эхъ и барыня-барыня,

И—эхъ и распробарыня,

Ды—по трактирамъ не ходи,

Ды—въ карманъ ручки не клади,

Бо мнѣ глазомъ не мигай!

— Вотъ какъ мы!... Какъ понимаете?

— Антиречно.

— Да ужъ... А вы спущайтесь къ музыкѣ, и будетъ антиресь.

И карамеличковъ можно прихватить.

Матреша спустилась, поглядывая на темныя господскія огна.

— Усачъ-то вашъ дома? «Рыжій»-то?

— Ну его къ яду, уѣхамши.

— Сказывали, до васъ онъ охочь...

— Н-нѣту... ничего...

— А сказывали, быдто. Брехня, можетъ!...

— Разъ только въ коридорѣ потискалъ, песъ этакой...

— А вы ему въ харю плюньте. Плюньте ему въ харю, рыжему чорту.

Вечеръ провели въ саду, подъ черемухой, гдѣ балалайка выдѣлывала потрясающія трели.

— Ежели-бъ вы только могли сообразить... во вниманіе, какъ...

— А вы штой-то это... вы не лазьте, куда не слѣдуетъ...

— Это куды-жъ? Рази я... Ужли ужъ вы мнѣ не повѣрите?

Ужели я такой чортъ, што... Разъ вы сумлѣваетесь въ качества меня... вотъ мой для васъ сказъ. Давно я васъ примѣчаю и балалайку завелъ на предметъ вамъ... Э-эхъ, Матреша!

Вздохъ.

— Духъ отъ черемухи тяжкій... Голову разломил.

— Д-да... проникаетъ... Матреша! Што я вамъ...

— Чево вы руки-то...

Вздохъ.

— А-ахъ, Матреша!... Нѣтъ у меня нигово, окромѣ васъ. Племени-роду своего не знаю... ни родителей...

— Вы рази изъ шпитательнаго?

— Прямо изъ-подъ забора. Только, конечно, я все едино какъ настоящій... Матреша, жалованья получаю я двѣнадцать цѣлковыхъ!